

Александр Васькин

ДУБУЛТСКИЙ ПЕРИОД В РАЗВИТИИ
СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ¹*Совесть писателя должна быть
в полной мере совестью народа.**Константин Паустовский¹*

Вечером 31 августа 1973 года ближе к девяти часам обитатели Дома творчества в латвийских Дубултах по обыкновению собрались у голубых экранов — посмотреть «чего там у них в Москве происходит». Телевизоров в номерах не было — они стояли в холлах, по одному на этаже (как в больнице или пионерлагере), и потому просмотр телепередач был коллективным. Это было очень удобно: вряд ли кто-либо из присутствующих осмелился бы оспаривать вслух необходимость просмотра программы «Время». Если у себя в номере — пожалуйста, но чтобы при всех остальных подвергать сомнению исключительную правдивость передачи, это уж увольте...

А что, собственно, могло происходить в Москве? Шел третий год девятой пятилетки — советские газеты называли его «решающим», а следующий, 1974-й был почему-то «определяющим». Национальный доход должен был вырасти на 28% по сравнению с восьмой пятилеткой, а уровень благосостояния советских людей увеличиться на 10 или 15%. На сколько конкретно даже не важно, главное, что в принципе этот уровень рос. От года к году. А по-другому и быть не могло. И приникшие к телевизорам советские писатели разных рангов и мастей могли подтвердить: да, у них растёт, да ещё как: и тиражи, и гонорары, и квадратные метры!

Публикуем главу из книги Александра Васькина «Повседневная жизнь советских писателей от оттепели до перестройки», которая готовится к изданию в «Молодой гвардии» в серии «Повседневная жизнь человечества».

¹ Обсуждение романа В. Дудинцева «Не хлебом единым». Стенограмма.

Советские писатели не то, чтобы обожали программу «Время», — просто другой не было. И вроде бы на отдыхе никто не заставлял их бежать к телевизору к девяти часам вечера: можно и по бережку погулять перед сном, воздухом морским подышать, а ведь подишь ты: тянуло к «ящику»! Хотя ничего нового телевизор показать не мог. Ибо название главной информационной программы страны приобрело какой-то даже метафизический смысл: время, спокойно и незыблемо стоящее себе на месте. День за днем, месяц за месяцем ничего практически не менялось. Только седины у дикторов Центрального телевидения понемногу прибавлялось...

На экране появился огромный циферблат. Вот уже длинная стрелка подобралась к короткой и обогнав ее, устремилась к цифре «12». Девять часов. Пролетела как железнодорожный экспресс музыка Георгия Свиридова. «Добрый вечер! Здравствуйте, товарищи!» И понеслось: председатель президиума Верховного Совета СССР товарищ Подгорный принял в Кремле верительные грамоты у вновь назначенных иностранных послов. Министр иностранных дел СССР товарищ Громыко встретился с делегацией Всемирного конгресса мира. Хлеборобы Кубани засыпали в закрома Родины очередные тонны зерна. Досрочно выполнили годовой план металлургии Магнитки. Продолжается космическая вахта. День знаний. Наконец, международная хроника: беспокойно на улицах Бейрута, рабочие парижских предместий опять требуют повышения зарплаты. И так день за днем...

Но при такой предопределенности содержания «Времени» чего же так ждали советские писатели в последний день августа 1973 года? Не в самом начале передачи, а где-то на десятой минуте на экране появился диктор Игорь Кириллов и, сдвинув брови, с выражением стал читать открытое письмо советской писательской общественности главному редактору газеты «Правда»: «Уважаемый товарищ редактор! Прочитав опубликованное в вашей газете письмо членов Академии наук СССР относительно поведения академика Сахарова, порочащего честь и достоинство советского ученого, мы считаем своим долгом выразить полное согласие с позицией авторов письма. Советские писатели всегда вместе со своим народом и Коммунистической партией боролись за высокие идеалы коммунизма, за мир и дружбу между народами. Эта борьба — веление сердца всей художественной интеллигенции нашей

страны. В нынешний исторический момент, когда происходят благотворные перемены в политическом климате планеты, поведение таких людей, как Сахаров и Солженицын, клеветующих на наш государственный и общественный строй, пытающихся породить недоверие к миролюбивой политике Советского государства и по существу призывающих Запад продолжать политику “холодной войны”, не может вызвать никаких других чувств, кроме глубокого презрения и осуждения»².

Особенно зловеще были произнесены диктором последние слова: «...презрения и осуждения». Один безобидный детский писатель, что притащил с собой стул из своего номера (именно в этот вечер мест у телевизора всем не хватило, хотя в холле стояло достаточно кресел), даже вздрогнул, будто от окрика ресторанного швейцара: «Куда, мол, идете, гражданин, без галстука?» Но галстук был здесь ни при чем.

«Дорогая передача, во субботу чуть не плача вся безумная больница к телевизору рвалась», — так пел Владимир Высоцкий (еще один частый гость Рижского взморья), высмеивая странную привычку советских людей писать письма на телевидение, радио и в газеты. Но это письмо было особенным. Оно было опубликовано в «Правде» в тот же день, с утра. И содержание его в общем было известно, как и фамилии людей его подписавших. Те, кто купил «Правду» в киоске у станции Дубулты, увидели, что под письмом перечислен весь писательский синклит: Чингиз Айтматов, Юрий Бондарев, Василь Быков, Расул Гамзатов, Олесь Гончар, Николай Грибачев, Сергей Залыгин, Валентин Катаев, Алим Кешоков, Вадим Кожевников, Михаил Луконин, Георгий Марков, Иван Мележ, Сергей Михалков, Сергей Наровчатов, Виталий Озеров, Борис Полевой, Афанасий Салынский, Сергей Сартаков, Константин Симонов, Сергей Смирнов, Анатолий Софронов, Михаил Стельмах, Алексей Сурков, Николай Тихонов, Мирзо Турсун-заде, а еще Константин Федин, Николай Федоренко, Александр Чаковский, Михаил Шолохов, Степан Щипачев. Строго по алфавиту. Всего 31 человек. Не так много для самого массового творческого союза СССР. Но дело было не в числе, а в огромном номенклатурном весе большинства указанных товарищей.

В ЦК КПСС посчитали, что надо усилить впечатление и прочитывать письмо еще и по телевизору: то ли это было проявлением за-

² Письмо в редакцию газеты «Правда», 31.08.1973.

боты партии о неграмотных (использовавших советские газеты не по назначению), то ли, наоборот, о чересчур грамотных, или как выражались тогда, «слишком умных». Тех, кто подобно профессору Преображенскому не читал советских газет, и не только перед обедом, а вообще. Так пусть послушают, в назидание!

Нельзя сказать, что все из перечисленных писателей внесли вклад в мировую литературу столь же значительный, что и в борьбу с инакомыслящими. Некоторых из них если и вспомнят сегодня, то только в связи с тем, что они подписали это письмо против нобелевских лауреатов Александра Солженицына и Андрея Сахарова. В СССР это называлось «пригвоздить к позорному столбу». Все, кто поставил свою подпись, имели полное право (и сполна пользовались им) жить в Доме творчества на самых лучших этажах — восьмом и девятом. В основном, это были «сливки» советской литературы, а также писательские шишки. Подчиненные им коллеги, сидевшие у телевизора в тот вечер в Дубултах, знали свое начальство в лицо — руководителей Союза писателей СССР и аналогичных союзов из республик. Согласитесь, очень символично: писатели высокого полета и живут под облаками. Но в тот вечер в Дубултах был один писатель, отказавшийся ставить свою фамилию под этим письмом. Его тоже должны были «подсчитать» (как в том детском мультфильме), но он отказался. Это был Федор Абрамов.

Федор Александрович приехал в Дубулты в начале июля 1973 года, на два месяца: не так давно он вернулся из командировки в Сибирь, наполнившей его новыми яркими впечатлениями. Теперь у писателя появилась возможность доверить их бумаге. Однако спокойным отдых Абрамова не получился, а вышел каким-то нервным. Как раз в это время в Москве шла активная подготовка коллективного письма от имени советской писательской общественности, осуждающего Александра Солженицына и Андрея Сахарова. Письмо предложили подписать самым видным литераторам, в том числе и Федору Абрамову — предводителю писателей-«деревенщиков». Уговаривали Абрамова по телефону, надо полагать, звонили не один раз, ссылаясь, что все остальные уже подписали или готовятся поставить свою подпись. Однако Абрамов нашел в себе мужество твердо и решительно отказаться. Даром служба в Смерше не проходит.

Не только совесть не позволила Абрамову присоединиться к общему хору обвинителей, но и противоположная официальной

точка зрения. «На глазах всего мира совершается очередная русская трагедия: великого патриота клеймят как изменника Родины, как предателя своего народа. И кто клеймит? Все тот же народ... О, Россия, Россия... Когда же ты хоть немного поумнеешь?» — отметил писатель вскоре в своем дневнике, назвав академика Сахарова «великим патриотом»³. Да, принципиальным человеком был Федор Александрович, бескомпромиссным.

Абрамова справедливо называют лидером т.н. деревенской прозы — самобытного литературного направления в российской литературе, возникшего с началом оттепели и захватившего собою эпоху перестройки. Все те невзгоды, что выпали на долю русского крестьянства после 1917 года, — кровавое раскулачивание, жестокая коллективизация, обескровившая деревню война, мучительное послевоенное восстановление, наконец, беспорядочное хозяйствование в период освоения целины и последующие «нечерноземные» десятилетия с их поворотом северных рек, — все это так глубоко и искренно отразилось в произведениях талантливой плеяды писателей, что вызывало серьезный отпор, в том числе и внутри партийного аппарата, чиновников разного ранга. Вот почему с таким трудом поначалу пробивались к читателю их книги, отражавшие совсем иную реальность, нежели та, что была представлена в газетных передовицах и решениях партийных пленумов и съездов. Этим писателей называли и деревенщиками, и почвенниками, что было особенно точно, ибо характеризовало их тягу к возврату традиционных ценностей и уклада жизни.

Александр Солженицын предлагал свое название — нравственности, подразумевая под этим борьбу за возрождение традиционной нравственности без какого-либо угождения политическому режиму. «Во второй половине 1970-х было принято решение канонизировать деревенскую прозу. Принято, как я полагаю, не вдруг, а в позиционных боях между Отделом пропаганды ЦК КПСС, где со времен А. Н. Яковлева окопались прогрессисты, ко всему национальному относившиеся с подозрением, и Отделом культуры, симпатизировавшим как раз тем, в чьих книгах был русской дух и Русью пахло, — вспоминает Сергей Иванович Чупринин. — Так оно и пошло. Деревенщики спустя малый срок выпустили по двух-, трехтомнику, а позже и по собранию сочинений, получили кто Героя

³ Дневник Федора Абрамова цитируется по публикации: О. Трушин. И где гарантия, что с нами ничего не случится? — «Нева», 2020 №2.

Соцтруда, кто орден Ленина, вошли в вузовские обязательные программы и рекомендательные школьные. Все — по заслугам»⁴. Но далеко не всех авторов деревенской прозы можно назвать деревенщиками, ибо многие проявили себя и в других литературных направлениях. Может быть, по этой причине некоторых наградами все же обделили, зато вниманием цензуры не обидели.

Вместе с Федором Абрамовым к деревенской прозе часто относят произведения Александра Солженицына («Матренин двор», 1963), Владимира Тендрякова («Не ко двору», 1954), Сергея Залыгина («На Иртыше», 1964), Бориса Можая («Из жизни Федора Кузькина», 1966; «Мужики и бабы», 1976), Валентина Распутина («Последний срок», 1970; «Прощание с Матерой», 1976), Владимира Солоухина («Владимирские проселки», 1957), Василия Белова («Привычное дело», 1966), Виктора Астафьева («Последний поклон», 1968–92; «Царь-рыба», 1976), Василия Шукшина (в основном рассказы), Евгения Носова («Усвятские шлемоносцы», 1977), Владимира Крупина («Живая вода», 1980)...

У подписавших нелицеприятное письмо в «Правду» Федора Абрамова имелись свои веские причины согласиться с поступившим к ним предложением. Кто-то руководствовался карьерными соображениями, кто-то искренно ненавидел Солженицына и Сахарова, а иные просто боялись (у одного писателя от страха даже открылась застарелая язва). Опасаться было чего. Санкции могли быть суровыми. Как справедливо выразился биограф писателя, Олег Трушин, отказ от подписания — это ничто иное, «как еще один осознанный абрамовский акт самосожжения, говорящий о нежелании быть чиновничьей марионеткой. И не в этом ли абрамовском поступке сокрыта разгадка его последующего октябрьского завещания? Абрамов вряд ли надеялся на то, что ему сойдет с рук этот поступок, вот и подстраховался на всякий случай, отправляясь в дальнюю заграничную поездку, в которой могло случиться все что угодно». Речь идет о завещании, которое не старый еще литератор (1920-го года рождения) вдруг составил перед поездкой в Великобританию в 1973 году, за себя и за жену.

Расплата за то, что у Абрамова нашлось другое мнение, последовала скоро. И оказалась не такой уж страшной: журнал «Во-

⁴ С. Чупринин. Вот жизнь моя. Фейсбучный роман, или Подблюдные истории. — «Знамя», 2014 №11.

просы литературы» немедленно снял с публикации интервью с ним, предложив доработать. А в ноябре состоялась встреча писателя с министром культуры Петром Демичевым, после которой все как-то устаканилось. И через два года, в ноябре 1975-го Федор Александрович стал лауреатом Государственной премии СССР вместе с Борисом Васильевым и Гавриилом Троепольским. Отныне, приезжая в Дубулты со значком лауреата на груди, Абрамов имел полное право претендовать на лучшие номера в Доме творчества. Хотя и раньше он жил высоко — такова была оценка его таланта писательской верхушкой. В самом деле: если не считали бы Абрамова выдающимся писателем (там, на Старой площади), не стали бы ему предлагать подписать то письмо. Но Героем Соцтруда Абрамов все же не стал. Почему? Сейчас расскажем.

Охота на писателей шла по всей стране. В это самое время в другом Доме творчества укрывался от «Большого брата» Григорий Яковлевич Бакланов. Но это был Дом творчества не писателей, а кинематографистов. И находился он в подмосковном Болшево. Но почему укрывался? А потому, что и его, Бакланова, усиленно зазывали принять участие в общем хоре негодующих представителей советского народа, участников травли академика Сахарова и писателя Солженицына: «Вот тут и про меня вспомнили. Начали раздаваться звонки из редакций. Обычно милый женский голос сообщал, что такой-то, такой-то и такой-то уже откликнулись, написали им о книге Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ», выразили свое возмущение, они не сомневаются, я тоже присоединюсь. Это подавалось как дело чести. Ответ мой был стандартен: этой книги Солженицына я не читал, пришлите, прочту. Как это они пришлют, когда они ее и в руки брать брезгуют. Возникла долгая пауза. И холодел голос: но вы верите нашей газете? Я объяснял терпеливо: у меня правило — не высказываться о том, чего не читал. Особенно настойчивы в те дни были «Советская культура» и «Правда». Сначала звонили рядовые сотрудники, потом — выше, выше», — рассказывает Григорий Яковлевич в своей книге мемуаров «Входите узкими воротами. Невыдуманные рассказы».

В общем, со всех сторон обложили. И решил он на время в Москве схорониться, в собственной квартире на Ломоносовском проспекте. Главное — к телефону не подходить, чтобы не обнаружили. А с женой договорился: если она с дачи позвонит, то одним звон-

ком, а потом сразу трубку положит. И тогда он, значит, ей перезвонит. Поначалу конспирация соблюдалась. Но до поры. Видать, в той организации, которая все всегда про всех знала, о местонахождении Бакланова догадались. И вот в один из дней замучил его телефон: трезвонит и трезвонит, причем, через определенное время. Как будильник. Не выдержал писатель, схватил трубку, услышав недобрый женский голос: «Как показалось мне — телефонистки, накаленный голос: “Почему не берете трубку?” — “А вам какое дело! У меня за телефон уплачено!”».

Бакланов как чувствовал — быстро оделся, и во двор. Произвел рекогносцировку местности (фронтовик и бывший начальник разведки артиллерийского дивизиона!), заняв позицию на отдаленно стоящей скамейке, где, к счастью, ни одной старушки не оказалось. Сидит он (а за кустом его не видно) и видит, как во двор «въезжает черная “Волга”, остановилась у нашего подъезда. Дверца открылась, вышел товарищ в сером костюме, обойдя машину, вошел в подъезд. Примерно столько времени, сколько требовалось, чтобы подняться на седьмой этаж, постоять безуспешно перед закрытой дверью и вернуться, он пробыл там. Машина отъехала». Что делать? И тут достали. Видно, только одной подписи баклановской на том письме и не хватает. Ну, не могут без нее обойтись, и все тут. Не слишком полным выходит без Бакланова «веление сердца всей художественной интеллигенции нашей страны», как в том пресловутом письме говорилось.

Тогда Григорий Яковлевич решил провести передислокацию: ехать в Красную Пахру на дачу было бесполезно, там бы его застали еще быстрее. А вот не отправиться ли в Болшево? К тому же Марлен Мартынович Хуциев давно его звал писать сценарий будущего фильма «Был месяц май» — впоследствии оказавшегося для Бакланова самым дорогим из всех экранизаций его произведений (кинокартина была поставлена в 1970 году). Совместное сочинение сценария вышло удачным, обоюдно приятным. И предпринятый Баклановым маневр также не был разгадан противником, не обнаружившим писателя в Болшево.

И лишь когда 31 августа Григорий Яковлевич открыл купленную Хуциевым газету, тут и увидел то коллективное письмо и подписи: «Некоторые ошеломили меня. Не буду перечислять, это все были известнейшие имена. В “Бесприданнице” Островского, скло-

няя Ларису к сожительству, старик купец Кнуров говорит: стыда не бойтесь, мы можем такую цену заплатить, что самые смелые критики умолкнут... Все, кто подписал это письмо в “Правду”, стали впоследствии Героями Социалистического Труда. Некоторые, впрочем, были уже удостоены, но кто еще не был Героем, стал им.

Думаю, что более всего поразила Бакланова подпись Василя Быкова — писателя, близкого ему духовно, да и биографически: Василь Владимирович на войне служил в тех же артиллерийских войсках. Боги войны, так их называли на фронте. А во всякого рода официальных статьях, обозревавших необычайное развитие советской литературы, фамилии Бакланова и Быкова нередко ставили рядом, как ярких представителей «лейтенантской прозы», отличавшейся предельной откровенностью и достоверностью при описании событий Великой Отечественной. Авторы лейтенантской прозы сами были участниками войны, зная ее не понаслышке.

Наиболее активно писатели этого направления заявили о себе с началом оттепели, отважно отстаивая право на сложные и неприятные вопросы о цене победы, писать свою «окопную правду», невзирая на нелепую критику в «дегероизации подвига», которой их регулярно подвергали те, кто и на войне-то не был. От цензуры бывшим фронтовикам доставалось порядочно, в чем только их не обвиняли — в очернительстве, клевете, пацифизме и принижении подвига советского народа в Великой Отечественной войне. Но чем сильнее было официальное сопротивление, тем больше их произведения читали, экранизировали и ставили в театрах. Интерес к лейтенантской прозе в стране, где почти в каждой семье хранилась медаль «За победу над Германией», был огромным.

А общепризнанным истоком этого направления послужила повесть Виктора Некрасова «В окопах Сталинграда», опубликованная в 1946 году журналом «Знамя». И самое интересное, что в 1947 году Виктор Платонович удостоился за эту повесть Сталинской премии второй степени — по предложению самого генералиссимуса. Хотя, что тут странного — повесть ведь в том числе и о Сталинграде. Книга неоднократно переиздавалась, но после эмиграции автора была изъята из библиотек Советского Союза и уничтожена. Василь Быков, отдавая должное неоспоримым достоинствам повести, подчеркивал, что Некрасов показал «правоту и высокую сущность индивидуальности на войне», «увидел на войне интел-

лигента, утвердил его правоту и его значение как носителя духовной ценности в условиях, так мало способствующих какой-либо духовности». Эту оценка Василя Владимировича была опубликована уже в конце перестройки в 1990 году, когда запрет на книги Некрасова был снят. Постоянно воевать с цензурой приходилось и самому Быкову, причем особенно ожесточенно у себя на родине в советской Белоруссии.

Но и в Москве приходилось несладко. Не было у Василя Быкова ни одной книги, которая бы без труда пробились к читателю через частокол придирок. Как говорил сам писатель, языка не фронте было взять легче, чем одолеть цензуру. Зоя Николаевна Яхонтова, заведующая редакцией прозы издательства «Молодая гвардия» в 1964–1986 годах, свидетельствует: «Чего стоила эпопея с изданием повестей Василя Быкова! Уже за первую его повесть «Третья ракета» я получила выговор от ЦК ВЛКСМ «за пропаганду абстрактного гуманизма», который выражался в том, что в повести приводилось письмо убитого немецкого солдата, написанное просто с человеческой болью. Каждая новая повесть этого талантливого писателя подвергалась пристрастному рассмотрению «наверху». А по последней, изданной в «Молодой гвардии» — «Знак беды» — мне пришлось срочно выехать в Минск и уламывать автора кое-что снять. В конце концов нервы Василя не выдержали, и он написал мне, что в Москве больше издаваться не будет»⁵.

Зоя Яхонтова — личность легендарная, ее номер, наверное, хотел бы иметь в своей телефонной книжке каждый советский писатель. И классик, и начинающий (участник всякого рода совещаний «молодых писателей»). Вот почему ее почтовый ящик под праздник не закрывался от поздравительных открыток. В издательстве Яхонтову — «мудрого, светлого, замечательного человека» — вспоминают до сих пор. Зое Николаевне удавалось невозможное: она умела постоять за «своих» авторов в кабинетах на Старой площади и Главлита.

Лишь отмена цензуры в 1991 году освободила писателя от необходимости бороться чуть ли не за каждое слово. Но пока до этого было далеко. На дворе — застой. Василь Быков в тот самый вечер 31 августа 1973 года находился в Белоруссии. Как вспоминал он

⁵ З. Яхонтова. Кое-что из жизни редакции прозы. Жизнь замечательного издательства. — М., 1997.

много лет спустя в своей автобиографической книге «Долгая дорога домой», на него в буквальном смысле охотились, желая получить подпись под письмом. И решил он рвануть в Москву, к приятелю. «Цековцы и кагэбисты искали меня в Гродно и в Минске, в Москве им было меня не найти. Но сколько ни прячься, а рано или поздно надо возвращаться домой. Вернулся и я. Прятался в собственном доме, как преступник»⁶. А затем в составе большой группы писателей ему предложили поехать в Могилев на встречу с читателями. Там-то он и узнал, что его фамилия попала в «Правду», а затем была названа в программе «Время».

Чуть ранее, пишет Быков, его вызвали на прямой телефонный разговор с Минском — работник белорусского ЦК «вежливо и тихо сказал, что в ЦК КПСС поступило письмо выдающихся деятелей культуры, в котором они решительно осуждают подрывную деятельность Сахарова и Солженицына. От Беларуси письмо подписал Мележ (Иван Мележ, автор романа «Люди на болоте». — А. В.), надо, чтобы была и подпись Быкова. Я сказал, что не читал письмо, поэтому подписать его не могу. Он сказал, что это, конечно, мое дело, но он считает своим долгом предупредить меня о возможных последствиях. Я, не попрощавшись, положил трубку и вышел из кабинета». Кто бы мог подумать, что фамилию Быкова поставят под письмом против его воли?

Реакция белорусских писателей, также прочитавших «Правду» и посмотревших «Время», была ожидаемой: «Мои коллеги оживились, стали оглядываться на меня. Иван Чигринов молча, но выразительно пожал руку. Остальные помрачнели, нахмурились. Я был растерян и подавлен...» Все попытки Василя Владимировича доказать обратное — что он ничего не подписывал — ни к чему не привели. Не принесла пользы и поездка к Сергею Залыгину в Москву:

«Сергей Павлович сказал, что, к сожалению, не может говорить на эту тему по телефону, — неплохо было бы, если бы я приехал в Москву. Я быстро собрался и поехал. Залыгина застал дома, он чувствовал себя не лучшим образом и тихим голосом рассказал, что и как: все это — грандиозная провокация, устроенная Шауро⁷ и прочими. Писателей по одному вызывали в ЦК и там буквально

⁶ В. Быков. Долгая дорога домой. Воспоминания. Пер. с белорусского В. Тараса. — М., 2005.

⁷ Василий Филимонович Шауро (1912–2007) — заведующий Отделом культуры ЦК КПСС в 1965–1986 годах, «курировавший» советских писателей.

выкручивали руки, добиваясь подписи. Верные партийной дисциплине писатели-коммунисты вынуждены были подписать. Залыгин же, сославшись на свою беспартийность, попытался отказаться. Тогда перед ним поставили вопрос: “С кем вы? С нами или с ними? Те двое скоро окажутся на скамье подсудимых, как бы и вас к ним не присоединили”. Залыгин лишь недавно перебрался в Москву, получил неплохую квартиру, был полон литературных планов, перед ним открывалась перспектива (впоследствии он стал главным редактором “Нового мира”), а тут такой зверский выбор. И он подписал. “Но ведь я не подписывал! — сказал я. — Откуда подпись?” — “Ну так ты же в провинции. В провинции все проще. И страшнее”, — сказал Залыгин».

То, что Сергей Залыгин отказался обсуждать это по телефону — вполне естественно. «Это разговор не телефонный», — была даже в советское время такая присказка, означающая, что помимо двух собеседников на разных концах телефонного провода, могут быть и другие участники разговора, которых не слышно, зато они все слышат, находясь в курсе произносимого и происходящего. Поэтому лучше ничего «такого» не говорить. Мало ли что.

Не смог Быков разыскать и Солженицына — хотел извиниться, попросить прощения и объясниться. Письмо в ЦК КПСС с опровержением у него также не приняли, даже не пустив на порог. Василь Владимирович оказался в жутком положении. Как еще он мог в те годы заявить о своем неучастии, несогласии с этой травлей? Да никак. Не выходить же с плакатом на Старую площадь. И потому критик Лазарь Ильич Лазарев, работавший в редакции журнала «Вопросы литературы», попытался его успокоить: «Не суетись, не оправдывайся, никому ничего не объясняй. Те, кто тебя знает, и так все понимают, а тем, кто не знает, не объяснишь. Пусть думают, что хотят». Лишь много лет спустя узнал Быков от одного сотрудников ЦК КПСС, что, подпись его поставили ради его же спасения: «Иначе они вынуждены были бы отправить меня вслед за Солженицыным». Но донца дней своих, вспоминая эту историю, писатель чувствовал себя тяжело и неловко: «Я проклинал тех, кто учинил все это бесчеловечное негодяйство». К слову, Героем Соцтруда Быков стал в 1984 году, а Залыгин — в 1988-м. При этом Абрамов и Бакланов так без «Гертруды» и остались. Ничто на Земле не проходит бесследно...

А в Доме творчества в Дубултах программа «Время» уже заканчивалась. Вот прошли новости культуры, спортивная рубрика, наступил черед прогноза погоды, когда под популярную эстрадную мелодию показывались картинки с видами столиц всех союзных республик. И каждый писатель невольно ожидал, когда вспомнят про «его» столицу: Алма-Ата (тогда еще главный город советского Казахстана), Фрунзе (а не Бишкек), Таллин (еще с одной буквой «н»), наконец, Киев, Ленинград и Москва. Особенно тепло объявлял этот раздел диктор Виктор Балашов: «И о погоде». Прогноз погоды был самой популярной информацией среди телезрителей: «Тихо! Погоду передают!» В программе «Время» сообщали даже температуру воды в Прибалтике, будто для них, гостей Дома творчества. Наконец, писатели повскакивали с насиженных мест и устремились на первый этаж, в столовую, где начали разливать вкуснейший местный кефир...

Вот мы и подошли к крайне интересной теме — отдыху советских писателей. Повседневная жизнь у них была напряженной, но интересной, наполненной встречами с читателями, поездками по стране и по всему миру, посещениями издательств и редакций, заседаниями и съездами, наконец, визитами в Центральный дом литераторов и писательскую поликлинику. При таком трудовом графике любому литератору, в конце концов, требовался отдых. Он даже был ему гарантирован трудовым законодательством. А отдыхать было где, ибо советские писатели пользовались такими привилегиями, которые и не снились их нынешним коллегам. Судите сами: Союзу писателей СССР принадлежало более двадцати домов творчества и пансионатов, находящихся в самых престижных местах страны, в том числе в Переделкино, Внуково, Голицыно, Малеевке, Коктебеле, Пицунде, Дубултах.

Но в том-то и дело: если остальные граждане только и занимались в свой законный отпуск тем, что отдыхали, — лечились в санаториях, сплавлились на байдарках, удили рыбу, копались на шести сотках, то советские писатели совмещали отдых с работой, т.е. творчеством. Именно в домах творчества им и были обеспечены необходимые условия для создания новых произведений, достойных своей героической эпохи. И неудивительно, а очень даже понятно, что в перечисленные заповедные места писателям хотелось попасть обязательно, причем зачастую сразу после получения

заветной корочки, удостоверяющей факт принятия в члены союза. Критик Валентин Яковлевич Курбатов в этой связи посчитал нужным отметить при публикации своих дневников в 2019 году: «В 1978 году я был принят в Союз писателей и впервые “равноправно” засобирался в Дом творчества. Тогда “писателей” (как посмеивался Астафьев) народ еще жаловал... Это было недорого и удобно. Я купил себе толстую тетрадь, и мне не терпелось заполнить ее новыми впечатлениями...»

Чистый лист обладает какой-то особой притягательной силой, вызывающей у писателя жгучее желание начать работать. Пожалуй, до конца осознать это способны только литераторы. Другой вопрос — с какой именно целью писатель это делает, что им в данный момент руководит. И здесь каждый сочинитель волен действовать в своих интересах и в меру отпущенного ему таланта. Выразительно и поэтически описал процесс творчества Сергей Владимирович Михалков:

*Чистый лист бумаги снова
На столе передо мной
Я пишу на нем три слова:
«Слава партии родной!»*

Юрий Маркович Нагибин интерпретировал это по-своему: «Стоит подумать, что бездарно, холодно, дрянно исписанные листки могут превратиться в чудесный кусок кожи на каучуке, так красиво облегающий ногу, или в кусок отличнейшей шерсти, в котором невольно начинаешь себя уважать, или в какую-нибудь другую вещь из мягкой, теплой, матовой, блестящей, хрусткой, нежной или грубой материи, тогда перестают быть противными измаранные чернилами листки, хочется марать много, много»⁸. Желания вполне понятные...

Насколько часто выпадала советским писателям возможность заполнять тетради (и просто чистые листы) новыми впечатлениями, как сформулировал Нагибин, «марать много»? Откроем дневник прозаика Марка Поповского, где он составил для нас график своих поездок по стране: Январь (Дубулты, Дом Творчества) — 30 дней, Март (Голицыно) — 26 дней, Март-апрель (Алма-Ата, Караганда) —

⁸ Ю. Нагибин. Дневник. — М., 1996.

14 дней («Огонек»), Май-июнь (Алма-Ата, Фрунзе) — 14 дней («Правда»), Сентябрь (Коктебель, Дом Творчества) — 30 дней, Октябрь (Самарканд, Бухара, Ташкент) — 15 дней, Декабрь (Голицыно) — 12 дней. Упомянутые «Огонек» и «Правда» обозначают командировки от упомянутых изданий в республики Средней Азии, где Поповский собирал материал для биографии Войно-Ясенецкого, над которой он работал. Остальные же поездки писатель ежеквартально совершал в Дома творчества, где и занимался, собственно, сочинительством (до 1977 года, пока не эмигрировал из СССР).

И такая схема повседневной жизни была свойственна многим советским писателям. Вот еще одно свидетельство: «Играю в теннис, езжу в те же Дубулты, Сочи, Ялту, Пицунду. Круг жизни, видимо, определился уже навсегда», — пишет драматург и член союза писателей Юлиу Эдлис своему другу Василию Аксенову 2 марта 1982 года. Из всех перечисленных географических названий именно Дубулты, маленький уютный поселочек в границах курортной Юрмалы и превратился для многих литераторов в Эльдorado. Здесь на территории советской заграницы (как тогда именовали три прибалтийских республики — Латвию, Эстонию, Литву), работалось и отдыхалось особенно хорошо. И порою борьба за путевки в Дом творчества писателей Литфонда СССР им. Я. Райниса — таково его официальное название — разворачивалась нешуточная, особенно в теплое время года: спрос превышал предложение.

Кто только не отдыхал в Дубултах, проще найти того советского писателя, кто пренебрег этой возможностью. Сюда стремились даже те, кто не был членом союза писателей — артисты, академики, художники. Большой удачей считалось достать дефицитную путевку в престижный Дом творчества в теплое время года. Для многих это было сродни выигрышу в лотерею. И потому опаздывать на «заезд» не стоило — в 1972 году Эльдар Рязанов (он приехал сюда как сценарист) не учел этого правила и вынужден был провести ночь не в номере, а в холле шестого этажа. Утром следующего дня, не сумев побороть одолевавшую его бурю эмоций, кинорежиссер ворвался в кабинет директора Дома творчества Михаила Баумана, потребовав представить ему нормальный номер в новом девятиэтажном корпусе. Ультиматум был исполнен.

Интересно, что все номера в недавно сданном строителями Доме творчества были похожи один на другой и обставлены стан-

дартной мебелью. Люксовыми их, конечно, не назовешь, но для творчества они вполне подходили. На каждом этаже было шесть однокомнатных номеров и четыре двухкомнатных. И никакой роскоши, чтобы ничего не отвлекало от работы. Таким образом, условия были созданы для всех одинаковые. Дадим слово и самому Михаилу Львовичу Бауману, денно и ночью находившемуся на рабочем месте. В июле 1975 года он рассказывал латышскому журналисту и писателю Александру Ольбику:

«Наш Дом творчества в 1973–74 гг. занимал 1-е место во Всесоюзном соцсоревновании среди подобных Домов творчества. Пока он считается лучшим в Союзе. Правда, в Пицунде возводится современное здание, в котором, как и у нас, будут отдыхать писатели со всего Советского Союза. Но это пока перспектива. А мы уже сейчас имеем девять комфортабельных этажей, на каждом из которых отдыхает всего 13 человек. Потолочный обогрев и кондиционеры создают в жилых помещениях мягкий микроклимат. В каждой комнате установлен телефон... У нас отменная звукоизоляция, стук пишущих машинок совершенно не слышен в соседних помещениях». Разве плохо? А на каждом этаже висело объявление: «Тихо! Здесь работают писатели!»

Но если все номера были одинаковы, то почему именно последние ценились? А потому, что с верхних этажей открывался потрясающий вид на взморье и его окрестности. Чем ниже этаж — тем чаще взгляд упирался в сосны, и тем меньше была видна из окон чудесная прибалтийская природа: Рижский залив и живописно протекающая река Лиелупе. А закат был какой! Хоть меняй профессию и вступай в союз художников. Сегодня красивый вид из окна назвали бы бонусом, содрав за это еще и деньги с отдыхающего. А тогда за дополнительную плату купить себе возможность наслаждаться пейзажем было нельзя — только лишь «заслужить». Такова была специфика советской повседневности.

Как «заслужить»? И талантом, и должностью. И потому на самых верхних этажах жили не только всесоюзно известные писатели, книги которых не залеживались на полках магазинов, но и те, кто пытался этими писателями руководить (куда же от них денешься!). Так постепенно и сложился своеобразный критерий, тешащий самолюбие советского писателя: раз я живу в Дубултах наверху, значит, меня уважают. Сегодня нам это может показаться

странным. В самом деле: какая разница на каком этаже жить, ибо приезжали на Рижское взморье прежде всего работать, а условия для творчества здесь были созданы равные и идеальные. Но если сегодня Вам придет в голову спросить у кого-то из посевевших советских литераторов: а Вы-то сами на каком этаже жили? То делайте это с осторожностью: не надо тревожить людей с тонкой душевной организацией!

Конечно, многое зависело от директора. Михаил Львович Бауман много сделал для писателей. Почти вся его трудовая биография связана с Дубултами — уже это свидетельствует в пользу того, что личность была незаурядная. Попробуй-ка столько лет удержаться в своей должности: творческий народ нередко придиричив, субъективен и раним. И в общении со всякого рода «инженерами человеческой мысли» нужно быть и дипломатом, и психологом. Трудно всем угодить, особенно если для некоторых так важен вид из окна.

Для многих Михаил Львович был как отец родной. Недаром такая большая стопка скопилась из одних только «Книг отзывов» за более чем сорок лет существования дома (с 1948 года). Десять томов, почти собрание сочинений с собственноручными благодарностями и автографами всех известных советских писателей, числом до пятисот. Среди оставивших свои отзывы — Валентин Катаев и Сергей Михалков, Константин Симонов и Алексей Арбузов, Роберт Рождественский и Константин Ваншенкин, Василий Шукшин и Борис Полевой, Юрий Трифонов и Вадим Кожевников, Даниил Гранин и Ярослав Смеляков, Сергей Смирнов и Михаил Дудин, Михаил Светлов и Илья Сельвинский, Чингиз Айтматов и Евгений Евтушенко, Григорий Поженян и Александр Межиров, Василий Аксенов и... Эльдар Рязанов. Видать, растопила в конце концов сердце кинорежиссера неустанная забота домотворческих работников о его отдыхе. А может, просто кухня понравилась или с погодой повезло...

Первый том открывается лестным отзывом Самуила Яковлевича Маршака: «От души благодарю всех работников Дома творчества Литфонда во главе с Михаилом Львовичем за их чуткую и неустанную заботу. Если бы в Доме Литфонда было больше чернил, я написал бы больше»⁹. И дата стоит: 15 июля 1948 года. Неутоми-

⁹ В 2018 году десять томов — «Книг отзывов и предложений» вместе с фотографиями и автографами (более пятисот) — были выставлены на аукцион по стартовой цене 110 000 рублей.

мый детский поэт побывал здесь и в следующем, 1949-м году: «До нынешнего лета мне казалось неверным и претенциозным название: “Дом Творчества”. Но за месяц пребывания моего в доме на улице Гончарова я убедился, что это и в самом деле Дом творчества. Мне удалось написать здесь много стихов, сказок, статей...»

А причем здесь Иван Гончаров, почему именно его имя выбрали для улицы, на которой открылся Дом творчества? Автор трех романов на букву «О» («Обломов», «Обыкновенная история» и «Обрыв» — что уже само по себе уникально), оказывается, приезжал в Юрмалу еще до исторического материализма — в 1880 году. А с ним и Николай Лесков. Знали, куда ехать. И как они только существовали без Союза писателей?

Хотя я бы все-таки назвал улицу, на которой стоял Дом творчества, в честь Дмитрия Писарева — критика-шестидесятника и революционера-демократа, утонувшего в Дубултах в 1868 году. Как можно было утонуть здесь — вопрос интересный, ведь море в Юрмале настолько мелкое, идешь себе, идешь, а вода все по колено. Скорее всего, случилось это печальное событие в реке Лиелупе. Но так или иначе, а с тех пор отрицать значение Пушкина для русской литературы (как это делал Писарев) уже мало кто решался. А критики стали приезжать в Дубулты все реже...

Жаль, что Михаил Львович Бауман не оставил воспоминаний. Но мне удалось отыскать его сына — знаменитого фотографа Вадима Крохина, создавшего отличную портретную галерею советских писателей. Вадим Михайлович сейчас живет в Крыму. Он рассказал, что после Великой Отечественной войны его отца «послали в Латвию для создания дома отдыха ВЦСПС в Дзинтари. А в 1947 году его перевели директором Дома творчества писателей в Дубулты. Позже он чуть было не попал под знаменитое “Дело врачей”, но отделался лишь легким испугом. Он мне позже сказал: “На войне было не так страшно, поскольку знал — за что воевал, но тогда было страшно — до ужаса — от беспомощности”».

Многие писатели приезжали в Дубулты ежегодно, попав, как говорится и под фотообъектив Вадима Крохина: «Трифонов, Шагинян и Поженян были постоянными гостями. Постоянно приезжали Арбузов, Рощин, Карелин, Маршак, Роберт и Всеволод Рождественские, Окуджава, Вознесенский, Антокольский, Ахмадулина и многие известные литераторы, большинство из них приходили и

к нам на дачу в гости. Многих и я снимал для своей книги — фотоинтервью с литераторами мира. Беллу Ахмадулину я как раз снял на балконе нашей дачи в Дубултах. А Васю Аксенова рядом с дачей, Любимова на лесенке при спуске к пляжу... Частенько бывал у нас в гостях Андрей Битов. Мы хотели с ним сделать совместную книгу, выехав из Дубулт на литфондовой «Волге» в Калининград. Но на машине полетел движок после того, как мы проехали Колку (в конце Рижского побережья). Битов написал текст: «Чайки-навылет», а я предложил ему его проиллюстрировать моей съемкой».

На даче гостей принимала супруга Михаила Львовича — Людмила Ивановна Крохина. Со многими писателями у Баумана сложились теплые, дружеские отношения. «Я восхищался способностью отца нравиться столь разным людям», — заметил по этому поводу Вадим Михайлович Крохин. В начале 1990-х годов Вадим Крохин обменял квартиру в Булдури на московскую, и его родители переехали в столицу. Здесь же они и скончались.

А Константина Паустовского Вадим Крохин сфотографировать не успел — был еще очень юн. Близкий к Гончарову и Лескову (по таланту, конечно) Паустовский 25 марта 1955 года записал в уже следующей книге отзывов: «Случилось так, что мне приходится начинать эту книгу записей о том, что написано каждым из нас на Рижском взморье, в Дубултах. Возможно, что через несколько лет какой-нибудь литературовед напишет на основании этой книги выдающееся исследование на тему: “Дубултский период в развитии советской литературы...” Зимой 1955 года (февраль-март) мною в Дубулты было написано: повесть “Золотая роза” (книга о писательском труде), рассказ “Ночной дилижанс” (о сказочнике Христиане Андерсене) и две статьи — о Пришвине (для полного собрания сочинений М. Пришвина) и Фридрихе Шиллере».

О своей повседневной жизни в Дубултах Паустовский написал в новелле «Надпись на валуне», где повествование ведется от первого лица: «Я живу в маленьком доме на дюнах. Все Рижское взморье в снегу. Он все время слетает с высоких сосен длинными прядями и рассыпается в пыль. Дом стоит у самого моря. Чтобы увидеть море, нужно выйти за калитку и немного пройти по протоптанной в снегу тропинке мимо заколоченной дачи. На окнах этой дачи еще с лета остались занавески. Они шевелятся от слабого ветра. Должно быть, ветер проникает сквозь незаметные щели в пустую дачу,

но издали кажется, что кто-то подымает занавеску и осторожно следит за тобой. Море не замерзло. Снег лежит до самой кромки воды. На нем видны следы зайцев... Иногда дикие гуси, прилетевшие в этом году слишком рано, садятся на воду и кричат. Тревожный их крик далеко разносится по берегу, но не вызывает отклика — в прибрежных лесах зимой почти нет птиц. Днем в доме, где я живу, идет привычная жизнь. Трещат дрова в разноцветных кафельных печах, заглушено стучит пишущая машинка, молчаливая уборщица Лиля сидит в уютном холле и вяжет кружево. Все обыкновенно и очень просто. Но вечером кромешная темнота окружает дом, сосны придвигаются к нему вплотную, и, когда выходишь из ярко освещенного холла наружу, тебя охватывает ощущение полного одиночества с глазу на глаз с зимой, морем и ночью».

Константин Паустовский (добрые коллеги звали его за глаза «доктор Фауст») первым и сформулировал непреходящее значение Дома творчества для отечественной литературы, сделав это очень изящно и остроумно — «Дубултский период». С тех пор это выражение повторяется все чаще и чаще, но со ссылкой на других писателей. Но первым это придумал Константин Георгиевич, в 1957 году написавший: «Все в Дубултах — тишина, легкое одиночество, пустынная Балтика, дюны, приморские сосны и сам уют латвийской земли — очень помогает писать». Интересно: на каком этаже жил Паустовский? И можно ли представить его врывающимся в директорский кабинет с требованием безотложно предоставить номер на восьмом или девятом этаже?

В том-то и дело, что Паустовский и Маршак приезжали в Дубулты в ту эпоху, когда здесь еще не было т.н. нового корпуса, а сам Дом творчества более походил на небольшой коттеджный поселок, состоящий из прелестных дачных домиков в два и три этажа. И уже позднее на месте старой столовой выстроили кирпичную высотку высотой в девять этажей. Но кому же принадлежали эти коттеджи раньше, до присоединения Прибалтики к Советскому Союзу? Ведь в независимой Латвии не было Литфонда с его домами творчества. На Рижском взморье обитали не самые бедные люди, ибо Юрмала издавна слыла у латышей престижным местом отдыха. Кому-то из них удалось унести ноги после начала «советской оккупации» (так презрительно именуют этот исторический период официальные власти нынешней вновь буржуазной Латвии), а других отправили в Сибирь. Или просто

поставили к стенке. Недвижимость буржуйскую национализировали, так и возник поселочек из дач, которым советские писатели дали вполне мирные названия: «Дальний дом», «Шведский дом», «Белый дом», «Охотничий дом», «Дом у фонтана», «Детский дом». А дом, где устроили столовую, принадлежал когда-то чуть ли не министру иностранных дел независимой Латвии Зигфриду Мейеровицу, как шепотом на ушко сообщали писателям аборигены.

В одном из коттеджей проживала и семья писателей Константина Ваншенкина и Инны Гофф. Специально для этой книги их дочь художник Галина Ваншенкина поделилась своими интереснейшими воспоминаниями:

«Дубулты, Дом творчества. Я бывала там с родителями и в детстве, и позже, студенткой. Обычно в августе. Родителям хорошо там работалось. А я общалась с ровесниками, делала зарисовки на пляже. Дюны, сосны, удивительные закаты во всю ширь горизонта. После шторма в темной кромке водорослей можно было найти кусочки янтаря... С удовольствием и благодарностью вспоминаю Дубулты тех лет и с улыбкой — некоторые моменты...

НЕ НАДО ТАК ГРОМКО РАДОВАТЬСЯ... 9-этажный корпус был построен уже позднее, а до этого мы много лет селились в Главном корпусе — двухэтажном деревянном здании. Перед ним был маленький круглый фонтан с бронзовой фигурой мальчика на дельфине. А в нескольких шагах стоял т.н. Детский корпус — для семей с совсем маленькими детьми. В этих старых корпусах туалет был в общем коридоре, а умывальники — прямо в комнате, при входе. Я, семилетняя, помню, очень удивилась этому. А утром прямо у наших дверей меня ждал высокий плотный человек, сказавший строго: “Девочка, не надо так громко радоваться, что в комнате умывальник!”... Как оказалось, это был писатель Леонид Пантелеев. Мама, услышав это, схватила меня в охапку, и мы тут же переселились в Детский корпус.

А ТЫ, ДЕВОЧКА, ОТОЙДИ. Еще вспомнилось, как однажды я была там первые полсрока с дедом и бабушкой, маминими родителями. Мой дед — Анатолий Ильич, замечательный врач — предложил свою помощь в медкабинете. Как-то в самый разгар нашей игры возле Детского корпуса подошел человек с фотоаппаратом, построил детей для снимка, а мне сказал: “А ты, девочка, отойди”. Я отошла, меня ничуть это не задело. Он слышал, что я внучка врача... зачем на снимке посторонние дети?

ЗИЛЯ И ЕЕ МАМА. Мне было тогда лет 12, наверное. Как-то на пляже рядом легли загорать девочка и женщина — рослая, костистая. Девочка, моя ровесница, сказала, что ее зовут Зиля. Они из Уфы. А это ее мама. “Моя мама — цензор”, — гордо сказала девочка. Я не знала, что это. Помню выражение брезгливости на лице моей мамы-писательницы, когда я рассказала ей про маму-цензора. И я поняла, что цензор — это что-то недостойное и даже постыдное».

И пусть у кого-то не было умывальника в комнате, разве это важно? Восторг и Паустовского, и Маршака, и других писателей вызвала, прежде всего, местная природа. Представим себя в Доме творчества более полувека назад: «Участки, на которых стояли дома, были слиты в один — получился огромный парк. Он доходил до дюн, тянулся вдоль моря, а с другой стороны его ограничивала главная улица. С каждым годом парк все больше напоминал сад Спящей Красавицы. По направлению к морю парк слегка шел в гору, образуя террасы, к которым вели выложенные камнем дорожки. Над раковиной грота росли розы... За ними уже лет восемь никто не ухаживал, не подстригал, не укрывал на зиму. Но они погибли не все. Те, что уцелели, научились жить без людей. Забыв все чудеса селекции, они совершали обратный путь — к шиповнику. Стебли все больше грубели, покрывались острыми частыми шипами. И чем грознее становились шипы, тем больше становились бутоны. Из них вылуплялись растрепанные неуклюжие цветы, белые и темно-красные, раскрытые до самой серединки.

Особенно хорош парк был в мае, когда цвела сирень. Наверное, здесь погибли редкие сорта, целая коллекция, собранная или, может быть, выведенная бывшим владельцем — десятки оттенков, неуловимо переходящих один в другой, от белого — до густо-фиолетового, через розовый, лиловый и пурпурный. Сирень полагалось срезать вечером, лучше всего после дождя... У веранды “Дальнего дома” росли таинственные растения, которые мне нигде и никогда больше не попадались — длинные, не ветвящиеся стебли с большими терпко пахнущими ворсистыми листьями, похожими на кленовые. На верхушке стебля несколько крупных темно-розовых цветов из пяти лепестков и мохнатые бутоны. Вела к “Дальнему дому” жасминовая аллея, и почти достигали его крыши высокие вечнозеленые душистые туи. Стоило потереть веточку между пальцами, и терпкий южный запах долго оставался на руке».

Да простит меня читатель за это небольшое лирическое отступление. Но оно дорогого стоит: как не писать книги среди этой красоты? Это я еще не рассказал про сбор писателями грибов в парке Дома творчества — маслят, опят и сыроежек. Приведенная цитата — из вышедших в Риге в 2012 году мемуаров Виктории Тубельской, дочери часто гостившего в Дубултах драматурга Леонида Тубельского. Более известен он как один из т.н. «братьев Тур» — драматургов, на самом деле никакими братьями не являвшихся. Второго «брата» звали Петр Рыжей. Творили они под общим творческим псевдонимом, почти как Козьма Прутков.

Когда-то очень давно, прогуливаясь по Новодевичьему кладбищу, я заметил странное надгробие, на котором было огромными буквами выбито: «Писатели братья Тур». Вот тогда я и заинтересовался их биографиями: обычно принято хоронить в одной могиле родных, а тут — совсем чужие люди (тот же случай произошел с «чапаевцами» кинорежиссерами братьями Васильевыми, простыми однофамильцами). Пьесы «братьев Тур» нередко носили шпионско-криминальный характер, например, «Очная ставка», экранизированная в 1939 году под названием «Ошибка инженера Кочина» с Михаилом Жаровым в главной роли следователя. В 1930–1950-е годы ставились эти пьесы по всей стране, принося неплохие моральные и материальные дивиденды авторам. Жили «братья» на улице Горького в комфортабельных «сталинских» домах. А самое известное их произведение — сценарий фильма «Встреча на Эльбе», написанный совместно с бывшим следователем генеральной прокуратуры СССР Львом Шейниным, их частым соавтором.

*На берегах литературы
Пасутся мирно братья Туры,
И с ними, заводя амуры,
Лев Шейнин из прокуратуры.*

Эту эпиграмму не повторял в Москве в сороковые годы разве что ленивый¹⁰. Как точно употреблена рифма: литература-прокуратура. И главное, что по смыслу очень верная.

¹⁰ А. Звягинцев. Время и тайны Льва. Военные тайны писателя, следователя, прокурора Шейнина. — «Российская газета», 24.05.2013.

У Леонида Тубельского была жена — Дзидра Эдуардовна, пережившая своего мужа (скончавшегося в 1961 году) на очень много лет. Она стала одной из первых, кто приехал в только что открывшийся Дом творчества вскоре после войны. Читатель спросит: это кто же открыл бы Латвию для писателей в 1948-м году, ведь там еще полно было т.н. «лесных братьев»? В Юрмалу пускали, но с разрешения компетентных органов. Получив спецразрешение в приемной МГБ СССР на Кузнецком Мосту, семья драматурга засобиралась в Дубулты. Дзидра Тубельская все удивлялась: ее, латышку и дочь врага народа, отпустили на родину. Вероятно, сыграла свою роль известность ее мужа. Да и соавторство с Шейниным дало свои плоды.

Поселили их в т. н. «Белом доме», на втором этаже: «Встретила нас сестра-хозяйка и заговорила с нами на ломаном русском. Удивлению ее не было границ, когда я ей ответила на чистом латышском. Она вела все хозяйство вместе со своим братом. Писателей было еще мало, и они вдвоем прекрасно справлялись. Мы разместились на втором этаже, в комнате, выходящей на огромный балкон. Столовая находилась внизу. Там стояло несколько столов, покрытых белоснежными скатертями. На каждом — вазочка с полевыми цветами. Царила атмосфера домашнего уюта. За трехразовое питание полагалось сдать продовольственные карточки. Кроме того, на лимитную книжку давали дополнительные продукты в магазине в Лиелупе»¹¹.

Лимитная книжка — еще одна привилегия советской элиты до 1950-х годов, отделявшая ее от основной полуголодной массы населения. Эти книжки выдавали в Союзе писателей для получения усиленного продовольственного пайка. Отоваривали книжки в спецмагазинах, к которым прикрепляли литераторов. Система таких магазинов была довольно распространенной, в частности, один из них в Москве находился в районе Белорусского вокзала. В конце войны там можно было получить элементарные продукты — сыр, колбасу, масло, конфеты. Это было хорошим подспорьем, ибо все остальные, то есть читатели, жили только на продовольственные карточки. Еще в Москве в 1944 году Дзидра Тубельская, придя в такой магазин с мужем, учуяв запах любительской колбасы и получив ее, не смогла сдержаться: «Вероятно, только у беременной могло возникнуть такое острое желание

¹¹ Д. Тубельская, В. Тубельская. Сталинский дом. — Рига, 2012.

немедленно отправить в рот кусочек этого волшебного лакомства. Едва дождавшись, пока мы не выйдем на улицу, я тотчас выхватила из авоськи колбасу и жадно вгрызлась в нее. Виновато взглянув на Леню, я увидела слезы на его глазах». Не голодали писательские семьи и в Дубултах.

А в 1948 году на Рижское взморье привезли сына Константина Симонова — Алексея, известного сегодня кинорежиссера Алексея Кирилловича Симонова. Было мальчику от роду девять лет и отправили его на Рижское взморье лечить гланды по совету «врача-убийцы» и профессора Александра Фрумкина. Перед тем как в 1953 году доктор превратился в самого главного врага советского народа, он успел вылечить немало хороших людей, в том числе и писательских детишек. Как вспоминает Алексей Кириллович, здесь в Прибалтике «два лета подряд дед с бабкой поочередно пасли своего внука». Сама Прибалтика «была недавно освобожденная, немного, видимо, испуганная, как я теперь понимаю, и не нашему чистая и размеренная».

Сохранилось письмо деда отцу мальчика, то есть Константину Симонову: «Комната у нас хорошая, кругом зелень и чудные сосны. Несколько раз были на море, но еще никто не купается. Кормят нас хорошо, дают такие большие порции, что не только дети, но и взрослые не съедают. Масло 150 гр., сахару 100 гр., молоко, сметана, творог, белый хлеб и т.п. в изобилии». А бабушка Алексея Симонова оказалась слегка похожей на местных жительниц, было в ней — выпускнице Смольного института благородных девиц — что-то латышское с виду. Но именно сие обстоятельство и служило причиной мелких недоразумений: «Для их разрешения бабка выучила по-латышски “не понимаю”, что, если память мне не изменяет, звучит как “несо прут”. Для удобства запоминания моя лингвистически одаренная бабка переделала это латышское “не понимаю” в русское “не сопрут”». Но, как и положено пожилому человеку, иногда бабуля путала это самое «не сопрут» с другими не менее выразительными русскими словами, что приводило к смешным ситуациям.

Первые отдыхающие Дома творчества и не предполагали, что сметана и творог попадали на их стол с «угрозой для жизни». Вернемся к интереснейшим свидетельствам Вадима Крохина: «В 1949 году отец организовал для снабжения писателей ферму в

56-ти км от Дубулты. Выращивались куры, утки и коровы. Два раза в неделю привозили в Дом творчества свежие яйца, молоко, мясо и рыбу, поскольку на ферме были и пруды. Однажды меня взял с собой отец, дабы я порыбачил, не мешая ему обсудить планы делового развития с хозяином фермы. Только-только успел поймать несколько упитанных карасей, как отправились обратно на его трофейном “Вилисе”. Через 15 км нас обстреляли из леса так называемые “лесные братья”, слегка ранив шофера. Больше меня никогда не возили на эту ферму». Что касается лесных братьев, то «одного из них, но отсидевшего срок, позже взял отец к себе на работу водителем. Его звали Альфред. Я с его помощью учился водить машину. Вместе перевернулись на Додж-три четверти по дороге в Ригу, и мы, вылетев из открытого кузова военного “американца” прямо в канаву с водой, остались живы — остальных умертвил перевернувшийся додж... как на войне. Кстати Альфред тоже позже погиб, но под трактором во время жатвы. Кому суждено погибнуть в катастрофе — может не бояться утонуть».

Ежегодно в ночь с 23 на 24 июня латыши отмечают праздник Лиго — вливались в него и писатели. Местные жители разводили костры, пели песни, плели венки из дубовых листьев, угощались и атрибутами праздника: специально приготовленным сыром с добавлением тмина и сваренным домашним пивом. Искали в лесу цветы папоротника. Апофеоз праздника наступал к ночи. Дзидра Тубельская вспоминает: «Вдоль берега уже полыхали костры, горели высоко на шестах смоляные бочонки. Парни подгоняли девушек к костру и заставляли их прыгать через огонь, ударяя по ногам пучками аира. Внезапно один из юношей подбежал ко мне, схватил за руку и потянул к костру. Я, не долго думая, подобрала юбку и вихрем пронеслась над пламенем. Мои спутники с восторгом аплодировали. А я не могла поверить, что решилась на такой прыжок». Приезжавшие в июне в Дубулты писатели и через много лет становились свидетелями соблюдения латышами этой замечательной традиции — сегодня праздник Лиго трактуется в школьных учебниках латвийской истории как своеобразный протест против советских порядков. Догадайся об этом советские литераторы — и вряд ли бы они решились прыгать через пылающий огонь, да и призадумались бы: чего это латыши их в этот костер тащат...

В Дубулты в 1950-е годы зачастили московские артисты — Рубен Симонов, Юрий Яковлев, Людмила Целиковская, Николай Охлопков, Лев Свердлин. Естественно, что для них Дом творчества превращался в пансионат, они не сочиняли после завтрака, а загорали и гуляли. «По утрам, пока мужья трудились на поприще литературы, жены и дети высыпали на пляж и, в зависимости от погоды и силы ветра, залегали или в дюнах, или внизу, на пляже. Образовывались тесные компании, занимались “постоянные места”. Из дюн, скрывшись за кустами, было удобно наблюдать за происходящим на пляже: кто за кем ухаживает, кто с кем ссорится, кто кем любит. Было смешно наблюдать, как по-разному входят люди в прохладную воду залива. Вот кто-то, как цапля, поднимает одну ногу за другой и медленно продвигается вперед, в глубину, так и не решившись окунуться. Вот кто-то с разбега влетает в море и мигом вылетает обратно. Кто-то чинно, парами, беседуя, медленно входит, столь же медленно окунается, плавает пять минут и столь же неторопливо возвращается. На глубине даже затевались романы», — продолжает Дзидра Тубельская.

Вполне закономерным было появление в Дубултах и ученых — их жизнь и работа также были в центре внимания советских литераторов. Взять хотя бы популярные романы Даниила Гранина, в том числе «Иду на грозу», где в персонаже профессора Данкевича угадывается знаменитый ученый Лев Давидович Ландау, лауреат Нобелевской премии по физике. «Помню встречи с Львом Ландау в писательском Доме творчества на Рижском взморье. Он терпеть не мог, когда говорили, что он “второй физик мира после Эйнштейна”, — вспоминал Анатолий Алексин. — Что за нумерация? А если кто-то и считает всерьез, что я “второй”, это вовсе не значит, что мы выстроились один за другим, что я дышу ему в спину. Это лишь значит, что, по мнению некоторых, между нами никого нет. Вот и все... Хоть и с этим я категорически не согласен!»¹² Приходил Ландау и на писательский пляж, где однажды поучаствовал в импровизированном споре о происхождении Бога.

В советских кинокартинах 1950-х годов мы видим, что весьма распространенной формой мужской одежды на отдыхе были пижамы — в них не только спали, но и носили в поезде, выходили на пляж с полотенцем через плечо, в больших белых панاماх.

¹² А.Г. Алексин. Перелистывая годы. Книга воспоминаний. — М., 1998.

Пижамы шили из яркого полосатого сатина. И потому большое внимание привлекали на пляже те, кто появлялся не в пижаме, а в редких тогда шортах. Это был особый шик. Одним из тех, кто послужил своеобразным зачинателем новой пляжной моды в Дубултах стал Адриан Васильевич Рудомино, очень интересный человек и собеседник (сын основательницы Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы Маргариты Ивановны Рудомино). Прекрасная половина Дома творчества почему-то сочла его итальянцем и даже разведчиком (бойцом невидимого фронта!). Вот что означало тогда появиться на пляже в шортах.

С именем Дзидры Тубельской связана постройка теннисного корта в Дубултах. Этот (лишь на первый взгляд) привилегированный вид спорта был весьма распространен среди советской политической элиты и примыкающей к ней тонкой прослойке творческой интеллигенции. Любили «погонять» друг друга и советские писатели. Как пишет Надежда Кожевникова, дочь Вадима Кожевникова (автора романа «Щит и меч» и большого писательского начальника) об одном из таких же литературных генералов: «Классный, отличный теннисист. Лощеный, холеный, ракетка — супер, форма с иголочки. На корте партнерши его — блондинки, сплошные блондинки».

Теннисные состязания начинались обычно после четырех часов пополудни. Солнце уже катилось к закату и не так пекло, как днем. А на Рижском взморье, кому-то кажущемся холодным, оно коварное: нетрудно и обгореть. На теннисном корте в Дубултах часто видели Сергея Острового, возглавлявшего Федерацию тенниса РСФСР в 1969–1988 годах. И среди литераторов это было даже более почетной должностью, чем секретарь союза писателей. Секретарей куча, а теннисная федерация одна такая. Поэт Сергей Григорьевич Островой известен как автор стихов, ставших популярными песнями, — «У деревни Крюково погибает взвод», «Песня остается с человеком», «Потолок ледяной, дверь скрипучая» и т.п. Само собой, писал он и о теннисе. А ветераны отечественного спорта по сию пору с благодарностью вспоминают его деятельность во главе теннисной федерации.

Сергей Островой нередко побеждал своих соперников на теннисном корте. И сочинял много. О его плодовитости ходили легенды. Литературовед Геннадий Григорьевич Красухин вспоминает:

«В нашей “Литературной газете” печатался часто. Но наш отдел тут ни при чем. Ни при чем и оказывался отдел публикаций, когда отделили его от нашего отдела русской литературы. Потому что ни туда, ни туда Островой стихов не носил. Они поступали в отдел от Чаковского (главный редактор газеты. — А. В.) Александр Борисович присылал обычно довольно толстую пачку стихов и просил отобрать то штук пять для отдельной подборки, то пару стишков (его выражение) для коллективной. Зачем это было нужно Чаковскому? Нет, он не был поклонником поэтического таланта Острового. Но он по несколько раз в неделю играл в теннис. Чаще всего с Островым. Тот играл почти профессионально... Вот и вручал Островой ему свои толстые пачки после игры».

В теплое время года на корте в Дубултах тесно было от игроков, благо, что сооружен он был по всем правилам: покрытие сделали из специального материала — теннисита, утрамбовали катком, разлиновали на зоны и повесили сетку. От желающих погонять мяч отбоя не было, порою приходилось записываться в очередь. Среди завсегдатаев теннисного корта были драматурги Морис Слободской и Борис Ласкин, а также Юрий Любимов, «которого мы дружно окрестили Бьорном Боргом — он был немного похож на тогдашнего теннисного кумира, — вспоминает Дзидра Тубельская. — Ну, а мы с Додиком как создатели корта имели право играть в любое время, вне очереди». Додик — это переводчик Давид Глезер из Риги, убежденный теннисист. Рига в те годы славилась своими отменными теннисными кортами и, конечно, игроками. А в Дубулты чуть ли не каждый день наведывались и местные девушки-теннисистки, неизменно привлекая внимание писателей, приезжавших без жен. Те, кто не играл, наблюдали за игрой со скамеек, мест на которых едва хватало. Было весело.

Однажды, приехав в несезон, в холодном марте, Дзидра Тубельская познакомилась с Константином Паустовским. Поселили ее в «Охотничьем доме». Нельзя сказать, что народу было много. В столовой она и узнала Константина Георгиевича, тот сидел неподалеку: «Он был небольшого роста, с резко очерченным лицом, в очках. Вскоре мы стали здороваться и перекидываться несколькими словами о погоде, морозе и невероятном количестве снега. Но даже такие обыкновенные замечания в его устах не звучали банально. Море замерзло. Сквозь сугробы к пляжу спускалась тро-

пинка. Вдоль моря протоптали узкую дорожку, по которой двигались гуськом. С дюн виднелись лишь головы идущих — настолько высоки были сугробы».

Тут, как на грех, заболела воспалением легких ее дочь Виктория. Паустовский, не обнаружив семью Тубельских в столовой, пришел к ним, предложив помощь: «Уже через несколько минут мне казалось, что я давно знакома с этим очаровательным человеком, что я могу принять от него любую помощь. Он вызвался побыть с Витусей, пока я сбегаю в аптеку и в магазин. Вернувшись, я обнаружила Константина Георгиевича сидящим у Викиной кровати. Он рассказывал сказку. Вика заморожено слушала. Она поправлялась медленно. Константин Георгиевич навещал ее каждый день, придвигал поближе к кровати кресло и баловал ее очень смешными историями. Как я была глупа и недалководна, что не записывала их по горячим следам. Иногда он заходил по вечерам. Мы пили чай и тихо беседовали. Его интересовали мои детские впечатления об Америке и Англии, где он мечтал побывать».

Уникальный человек все же был Константин Георгиевич! Подлинный интеллигент. Никого не предал. Ни одного укоряющего его слова не найти в писательских мемуарах. Сын драматурга Алексея Арбузова Кирилл вспоминает: «Волею судьбы с Паустовскими наша семья прожила в одной квартире, хоть и за перегородкой, восемь лет. Константин Георгиевич был человеком настолько духовно прекрасным, что даже злое ворчание соседки по коммуналке при его появлении в коридоре иссякало и обычные склоки прекращались начисто. А как восхитительно было, когда Паустовский и отец затевали разговоры на творческие темы!» И таких свидетельств — немало.

Творчество Константина Георгиевича Паустовского относят к так называемой лирической прозе. Наиболее известны его произведения, посвященные описанию российской природы, наполненные тончайшей пейзажной лирикой. Талант писателя раскрылся еще до войны — в цикле рассказов «Летние дни» (1937), повести «Мещерская сторона» (1939), а наиболее масштабное его произведение — мемуары «Повесть о жизни», создававшееся почти два десятка лет. Паустовский отличался активной жизненной позицией; наступила оттепель, и он не скрывал своих антисталинских настроений. В русле лирической прозы писали и более молодые его

коллеги, на которых творчество Константина Паустовского оказало большое влияние — это Юрий Казаков, Юрий Трифонов, Юрий Нагибин, Владимир Солоухин и другие прозаики.

Даниил Гранин вспоминал о своих встречах с Паустовским в Дубултах как об одном из самых ярких эпизодов своего пребывания на Рижском взморье: «Вечерами мы собирались у него в Шведском домике у камина. Но и днем Паустовский принимал приглашение погулять, посидеть, поболтать. Казалось, ему нечего делать. Как-то я спросил его, почему он неплотно притворяет дверь к себе в комнату. Он виновато усмехнулся: “А может, кто зайдет?” Прекрасное настроение беспечности и незанятости окружало его... Между тем за месяц пребывания в Дубултах он написал больше, чем все мы: Юра Казаков, Эм. Миндлин, я, хотя мы экономили каждый час и работали в полную силу»¹³.

Прозаик Эммануил Миндлин запомнил раннюю прибалтийскую весну 1957 года и Паустовского, с интересом рассматривающего местных белок: «Дубултские белки были еще не пуганы. Они спускались на нижние ветви деревьев и бисерными глазками безбоязненно смотрели на нас. По пути от нашего дома у фонтана в столовую мы обыкновенно сворачивали с дорожки в сторону, чтобы полюбоваться белками. Стояли втроем — Паустовский, Гранин и я ... Как-то мы устроили вечеринку в комнате Паустовского: шесть-семь человек пили коньяк под дьявольски вкусную рыбку копчушку — неизменное прибалтийское лакомство». А проделки местных белок Константин Георгиевич описывал в письме своему сыну Алексею 16 февраля 1955 года: «Я нашел на пляже мячик, который забыл Кирилл Арбузов. Белочки играли им в футбол и сильно его поцарапали своими когтями».

Случалось, что белки мешали Константину Георгиевичу работать, отвлекая его: «Сегодня была драка белки с дятлом. Белка, должно быть, спала в своем дупле, а дятел сел на соседнюю ветку и начал изо всех сил долбить. Белка выскочила взъерошенная, разъяренная и бросилась на дятла. Он начал вертеться вокруг ветки и отбиваться, и, в конце концов, победил. А вчера белка ободрала кору на липе, надрала лыка, скатала его в маленький сноп и очень ловко, перебрасывая его с ветки на ветку, утащила в дупло, на подстилку», — из письма жене Татьяне Паустовской от 12 марта

¹³ Д. Гранин. Чужой дневник. — М., 1988

1957 года. В этом же письме Паустовский сообщает, что «Вчера переехал в Шведский домик, где жил в прошлый раз (до этого я жил в большом доме, довольно шумном и не очень уютном). Здесь же полная тишина, очень уютно, и в окно видно море. Оно каждую ночь замерзает, а к полудню оттаивает и шумит. Снег почти сошел, днем уже в пальто жарко».

Интересная бытовая подробность, о которой пишет Эм. Миндлин: «Баня в нашем дубултском писательском доме работала раз в неделю, рассчитана была на двоих, и мыться ходили по двое. Вот мы и пошли вдвоем с Паустовским. В жарко натопленной баньке, в пару и в ключьях мыльной пены, когда терли друг другу спины, он вдруг стал читать фетовские стихи. Мыльная пена хлопьями срывалась с моей мочалки, шлепалась на мокрые стены, пузырьчатыми белыми струйками стекала на шашечки пола. Я замер с мочалкой в руках, чтобы звонкое поскрипывание мочалки и всхлипывающие шлепки мыльных ключьев по стенам не перебивали родниковой музыки фетовских поэтических строк». Дочитав, Паустовский спросил: любите ли вы Фета? Услышав от соседа по бане отрицательный ответ и «выхватив из моих рук намыленную мочалку, Паустовский принялся яростно тереть мою спину и, задыхаясь в пару, хрипло кричал, что прекрасное не может не быть помощником в жизни. А раз Фет прекрасен...» Впоследствии Константин Георгиевич часто вспоминал время, проведенное на Рижском взморье: «Как мне не хватает Дубултов, разговоров с вами, снежного моря, лукавых глаз Гранина», — писал он Эм. Миндлину.

В непринужденной творческой атмосфере находилось время и для шуток. Однажды Даниил Гранин решил разыграть Константина Георгиевича, отпечатав на машинке письмо с якобы приглашением «дорогого писателя К. Г. Паустовского» на праздничный вечер местного молочного завода к Международному женскому дню 8 марта. Об этой смелой затее знали и соседи по столу — Эм. Миндлин и Юрий Казаков. И что же? Розыгрыш обернулся настоящим праздником — когда Паустовский пришел в заводской клуб, женщины его встретили так, словно действительно ждали. Константин Георгиевич провел прекрасный вечер. На розыгрыши он не обижался.

А Юрий Казаков, похоже, вспоминал и те самые мартовские дни: «Я не бывал в Дубултах летом и осенью, но весной там прекрасно! Почему-то много солнца, легкий морской воздух, заколо-

ченные дачи, дома отдыха закрыты, кругом безлюдно, да и в Доме творчества обычно человек пятнадцать народу. Ранней весной там хорошо работается»¹⁴.

После смерти мужа Леонида Тубельского в 1961 году его вдова продолжала приезжать в Дубулты — путевки помогал доставать Сергей Михалков. А когда Дзидра Тубельская познакомилась с директором Лифонда Латвийского союза писателей Эльвирой Затис, проблем с посещением Дома творчества в самые загруженные месяцы лета вообще не стало. В хороших отношениях она была и с директором Михаилом Бауманом. Как-то раз летом 1965 года Михаил Львович попросил ее об одолжении — Союз писателей пригласил отдохнуть в Дубултах самого Генриха Белля — классика западногерманской литературы. Ехать за ним надо было утром, на вокзал в Ригу. Для встречи такого высокого гостя полагалась черная «Волга». Но машина сломалась, и Бауман попросил Тубельскую съездить за писателем на своей машине, купленной еще при живом муже на его гонорары.

Белль приехал с женой Аннемари и двумя сыновьями, Винсентом и Рене. Поселили их даже не «Белом доме», а на ближайшей к Дому творчества правительственной даче: «Там были и душ, и ванна, и туалет, и целый дом в их распоряжении. — уточняет Дзидра Тубельская, — Но там не кормили. Я сказала, что зайду за ними, чтобы сопроводить на обед. В столовой вся семья с удовольствием уплетала нехитрые блюда, которыми потчевали писателей. После обеда я пешком проводила их обратно, сказав, что теперь они сами смогут найти дорогу в столовую Дома творчества. Это опять озадачило Белля. Он все продолжал ко мне приглядываться. Уже потом, когда мы ближе познакомились, он сознался, что встреча на вокзале и мой отличный английский подразумевали, по его понятиям, что я представлена к ним от КГБ. Тогда почему же я перестала их опекать в первый же день? Вся семья дружелюбно ко мне относилась и время от времени приглашала на прогулку по пляжу, что вызывало некоторое недоумение со стороны обитателей Дома творчества: Белль не спешил ни с кем входить в контакт, да и мешало незнание языка».

Это был далеко не первый визит Белля в СССР — здесь его много издавали, благодаря чему он стал одним из самых известных среди советских читателей западноевропейских авторов. Белля в

¹⁴ Ю. Казаков. Поедемте в Лопшеньгу. — М., 1983.

СССР знали в лицо, издавали его почти два десятка лет кряду, с 1952 года: и «Дом без хозяина», и «Глазами клоуна», и «Чем кончилась одна командировка», и многие другие его произведения, общим тиражом два миллиона экземпляров. Из советских писателей немецкий классик особо ценил творчество Солженицына, Гроссмана, Трифонова.

А по-настоящему подружился Генрих Белль со Львом Копелевым и его женой Раисой Орловой, называвшими немецкого писателя на русский манер Генрихом Викторовичем. И Копелев, и Белль воевали. Только по разные стороны фронта. В дневнике Раисы Орловой от 26 июля 1965 года сохранился их разговор: «Говорим о Паустовском. Когда Паустовский ехал во Францию через Кельн, он, проезжая через незнакомый город, ощутил родство, подумав: “Здесь живет Генрих Белль”». Белль и Паустовский встречались в 1962 году.

Как отдыхалось Беллю в Дубултах? Ведь поселили его на отдельной вилле, Кормили, правда, в общей столовой. А ведь стоял на дворе август 1965 года — самый пиковый месяц. Мы не знаем, что он сказал на прощанье директору — наверняка выразил благодарность за интереснейший отдых, но Копелеву признался: не очень! Так и записал Лев Зиновьевич в дневнике от 16 августа 1965 года: «Ждем Беллей на аэродроме в Ленинграде. Они все загорелые... Ему в Дубултах не понравилось». В тот приезд Белль все мучался вопросом: «Какая организация более властная — Союз писателей или Союз художников?..»

О «властности» (или точнее сказать о всевластии до определенных пределов) творческих союзов в СССР Беллю, надо полагать, много рассказывал Солженицын. Время у них было. Когда Александра Исаевича лишили родины, «выдворив» его 13 февраля 1974 года «за пределы Советского Союза», как сообщил всему миру ТАСС, звонок жене он совершил именно из дома Белля в Кельне в ночь на 14 февраля. Об этом вспоминала в интервью супруга писателя¹⁵. Так «Генрих Викторович» приютил Александра Исаевича.

А чем, кстати, закончилась охота на писателей? В том-то и дело, что она перешла в новую, более агрессивную фазу. 3 февраля 1974 года драматург Александр Гладков отметил в дневнике: «Юра Трифонов “вернулся”. На него была настоящая охота, организованная Чаковским, чтобы заставить его высказаться о Солженицыне. Но он улиз-

¹⁵ Н. Солженицына. У нас было все готово на случай ареста. — Интервью Би-би-си, 2012 г.

нул. Звонки, звонки. Не беру трубку. “Г. А.” [“Голос Америки”] сообщает о заявлении Солженицына, что в прошлую ночь ему звонили из органов и прямо угрожали»¹⁶. Сам Александр Константинович Гладков был с органами знаком не понаслышке, после войны его незаконно арестовали (по доносу), отправив в ГУЛАГ. Наиболее известна его пьеса — «Давным-давно», экранизированная Эльдаром Рязановым в 1962 году под названием «Гусарская баллада».

С начала 1974 года в советских средствах массовой информации началась всесоюзная кампания по травле Александра Солженицына, целью которой было даже не открыть советским людям глаза на автора «Архипелага ГУЛАГа» (благодаря «рекламе» агитпропа писателя и так знали «как облупленного»), а повязать общей ответственностью как можно больше людей. Так делал когда-то Сталин, пуская по кругу протокол заседания Политбюро со списками приговоренных к расстрелу. И все расписывались, руководствуясь естественным инстинктом самосохранения. Не подпишешь этот список — сам можешь угодить уже в следующий, такой же.

Никого не забыли — с «гневом и возмущением» осуждали Солженицына доярки и сталевары, ткачихи и горняки, академики и режиссеры, артисты и художники. Но где же они взяли «Архипелаг ГУЛАГ», после прочтения которого их сердца «переполнились»? «Я Солженицына не читал, но осуждаю...» — формула очень удобная.

«Литературная газета», ведомая Героем Социалистического Труда Александром Чаковским, выступила громко и «с душой», отметившись запоминающимися серийными публикациями — «Отпор литературному власовцу» и «Конец литературного власовца». Под этими заголовками публиковались отклики «писательской общественности», из которых можно было бы составить отдельный сборник, читать который никому не посоветую — столько в нем злобы и ненависти. Здесь и Олесь Гончар («Кошунство»), и Анатолий Ананьев («Растленная душонка»), и Виль Липатов («Мы отвечаем презрением»), и Ануарбек Алимжанов («Народ проклянет»), и Петрусь Бровка («Лишь бы очернить»), и многие другие советские писатели. Кого-то должность обязывала, а иные и сами спешили отметить то ли в страхе, то ли в ожидании поблажек. И потому Юрий Трифонов и подобные ему смелые литераторы смотрят на фоне этого шабаша особенно достойно.

¹⁶ А. Гладков. Дневник. — «Нева». 2016 № 10.

Нетрудно догадаться, кто именно имелся ввиду под «литературным власовцем» — лауреат Нобелевской премии Александр Солженицын. В чем только его не обвиняли — даже в продаже родины, в связи с чем вспомнилась фраза одного из героев фильма Эльдара Рязанова «Гараж»: « Попрошу факт продажи родины включить в протокол!» Картина 1979 года отчасти напоминает и погромные собрания Союза писателей — там ведь тоже исключали... Можно по-разному относиться к Солженицыну, некоторые до сих пор не могут принять ни личность писателя, ни его творчество. Нельзя не подивиться другому обстоятельству — огромная страна, занимающая шестую часть суши, имеющая одну самых больших армий в мире, вооруженная атомными бомбами, объявила войну одному-единственному человеку, будто Наполеону с его армией «дванадесать языков», или Чингисхану с его ордой, или враждебно настроенному блоку НАТО. А человек этот — всего лишь писатель, фронтовик, жертва политических репрессий, имеющий свое мнение, пусть и не совпадающее с официальным.

У некоторых советских людей с хорошей памятью, прочитавших эту газету с соответствующими публикациями, могло сложиться впечатление, что началась вторая серия тридцать седьмого года. Судите сами: 26 января 1937 года та же «Литературная газета» вышла с передовой статьей «Нет пощады изменникам!», требующей расстрела участников т.н. «параллельного троцкистского центра». Что меня в этом номере газеты поразило — рядом с передовицей на первой же полосе напечатана статья «Неизвестные материалы о Пушкине». Иными словами, столетие гибели Пушкина и процесс над врагами народа подаются как равнозначные информационные поводы, приучая читателей к обыденности происходящего. А еще к какой-то особой извращенной логике: вот убитый Пушкин, а вот убийцы...

Открываем газету 1937-го года, читаем дальше: Николай Тихонов («Ослепленные злобой»), Константин Федин («Агенты международной контрреволюции»), Юрий Олеша («Фашисты перед судом народа»), Всеволод Вишневский («К стенке!»), Исаак Бабель («Ложь, предательство, смердяковщина»), Лев Славин («Выродки»), Андрей Платонов («Преодоление злодейства»), Евгений Долматовский («Мастера смерти») и т.п. Масса имен. Почти литературная энциклопедия, но не вся...

Весьма образно и по-женски затейливо озаглавила свою статью воинственная Мариэтта Шагинян — «Чудовищные ублюдки». Кстати, ее фамилии в том письме в «Правде» от 1973 года нет: то ли сама отказалась, то ли не предложили, но мужскую компанию подписантов все же следовало разбавить хотя бы одной женщиной-писателем. А вот поэт Николай Тихонов и в 1937-м году, и в 1973-м не подкачал, везде отметился. Сравнивая номера «Литературной газеты» столь разных лет, нельзя не прийти к выводу, что определенная преемственность все же чувствуется. Соблюдение общей стилистики налицо.

Подписчиков у «Литературной газеты» было немало, ибо, как выразился журналист Александр Борин, «газету называли тогда Всесоюзным бюро жалоб». Это было характерно для многих советских газет, превратившихся, по сути, в единственную действенную инстанцию, на которую простые граждане возлагали последнюю надежду. Вряд ли читатели французской газеты «Монд» или английской «Дейли Мейл» писали в эти редакции о плохой работе химчисток и отключении горячей воды. Но в советском «обществе ремонта» это было нормальным — жаловаться в газету, которая вообще-то не имеет отношения к бытовому обслуживанию населения. Александр Борин — один из тех, кто работал в те годы в «Литературной газете», создав ей определенное реноме. Его имя стоит в ряду таких замечательных журналистов как Юрий Щекочихин, Аркадий Ваксберг, Ольга Чайковская, Анатолий Рубинов, Евгений Богат и других. Заняв важную социально-бытовую нишу, советские журналисты помогали бороться со взяточниками и бюрократами, нерадивыми продавцами и спекулянтами, таксистами-невезухами и официантами-несунами, а также расхитителями социалистической собственности. Более того, иногда газетные публикации даже открывали двери тюрем, где томились невинно осужденные граждане. Своя преданная и многотысячная аудитория сформировалась и вокруг газет «Комсомольская правда» и «Известия», куда поступало не меньше жалоб от населения. Вообще в советское время было принято подписываться на одну и ту же газету много-много лет. Что-то в этом есть трогательное.

«Мы, конечно, знали, — вспоминает Денис Драгунский, — что «Литературная газета» — это трибуна интеллигенции, газета смелая, как тогда почему-то говорили — левая, и очень любили ее читать. С нетерпением ждали среды, когда она выходила. Бежали к

почтовому ящику. Дома выхватывали ее друг у друга». А Юрий Нагибин 27 февраля 1973 года отметил в дневнике: «Вернулся после семнадцатидневного отсутствия и будто не уезжал... На столе — несколько писем, пересланных “Литературкой” — злобных и грязных. Все, что идет от этого органа печати, пакостно».

Словно отвечая Юрию Марковичу, через много лет Сергей Иванович Чупринин напишет: «Смешно было бы мне снимать сейчас вину и с самого себя, и со своих коллег. [...] Люди, не способные жить по лжи, в “Лит. газете”, как и вообще в печати советских лет, не задерживались. Увы, но это так. Среди нас, вне всякого сомнения, были трусы, были дураки, были раздолбай, но подлецов при мне все-таки, кажется, не было. Что, разумеется, никого из нас не освобождает от ответственности за грязь, которой более чем с избытком хватало на литературных полосах старой “Литературной газеты”».

А что читатели? Они-то как на все это реагировали? Начитавшись всей этой «оголтелой» пропаганды (словечко той эпохи), советские люди по привычке брались за перо. Сохранился очень интересный документ — «Записка редколлегии “Литературной газеты” в ЦК КПСС об откликах читателей на публикации статей о А. Солженицыне» от 4 февраля 1974 года: «Совершенно секретно. ЦК КПСС. Направляем для информации “Бюллетень” отдела писем “Литературной газеты” в связи с публикациями о А. И. Солженицыне. Всего на 31 января в редакцию поступило 335 писем. 155 из них приводятся в “Бюллетене”. Первый заместитель Главного редактора “Литературной газеты” В. СЫРОКОМСКИЙ».

Записка извещает: «Всего на 31 января 1974 г. в редакцию поступило 335 писем читателей об А. И. Солженицыне. В подавляющем большинстве — это отклики на опубликованные в газете статьи: “Кому выгодна антисоветская шумиха” (“ЛГ” № 3 от 16 января 1974 г.), на подборки писательских выступлений — “Отпор литературному власовцу” (“ЛГ” № 4 от 23 января и № 5 от 30 января 1974 г.). Часть писем является откликами на выступления А. Б. Чаковского по телевидению и С. В. Михалкова по радио. Всю эту почту можно разделить на три группы:

1. Письма, гневно осуждающие Солженицына. — 165.
2. Письма, авторы которых выступают в защиту Солженицына. — 104.
3. Письма, авторы которых задают различные вопросы. — 66.

Письма правке не подвергались, сделаны лишь незначительные сокращения.

В «Бюллетене» приведено 155 писем, полученных до 25 января 1974 года»¹⁷.

Документ в ЦК КПСС читали, о чем свидетельствует следующая отметка: «Тов. Демичев П. Н. ознакомился. 14.02.74 г.» Цифры интересные: лишь 49% читателей, приславших письма, «гневно осуждают» Солженицына, остальные — либо «за», либо «воздержались». Занятная социология. А ведь как промывали мозги людям с утра до вечера — и все равно промыли неэффективно, лишь наполовину. Вот это и странно. Ибо у нас ведь только начини «гневно осуждать» кого-либо в средствах массовой информации — и сразу посыплется, как зерно из драного мешка, «письма трудящихся». Их вроде не просили, отмашку не давали, а они знай себе пишут. И остановить уже невозможно.

Кончилось все тем, что через двадцать лет Александр Солженицын триумфально вернулся в Россию. После смерти писателя в 2008 году ему были открыты памятники, переименованы в его честь улицы, появились и музеи. А в день столетия писателя 11 декабря 2018 года в Москве был открыт памятник на одноименной улице.

А Юрию Валентиновичу Трифонову памятник не открыли.

С января 1974 года писатель вынужден был уйти в «подполье» еще и по той причине, что в это же время исключали из Союза писателей Владимира Войновича. 23 января 1974 года Александр Gladков записал: «Юра [Трифонов] уехал в Ленинград, чтобы не присутствовать на заседании бюро секции прозы, где должны были исключать Войновича. Из 14 членов бюро такими хитрыми оказались десятеро, и из-за отсутствия кворума заседание не состоялось». Вероятно, что в ЦК КПСС решили, что переборщили с откликами «писательской общественности», праведный гнев которой следовало немного укоротить. И уже 31 января Gladков пишет: «Буря в прессе вокруг Солженицына понемногу утихает. Вечером заходил Лева, прямо из ССП, где исключали Войновича. Войнович держался задорно... А Юра ушел в “подполье”. Живет у Аллы (вторая жена писателя — А. В.), а Оля всем говорит, что папа в отъезде. Секрет полишинеля».

¹⁷ Записка редколлегии «Литературной газеты» в ЦК КПСС об откликах читателей на публикации статей об А. Солженицыне от 04.02.1974 г. — «Вопросы литературы. 1993 № 5.

Одна охота заканчивалась, дабы уступить место новой. В августе 1968 года Владимир Высоцкий сочинил свою знаменитую песню «Идет охота на волков»:

*...Идет охота на волков, идет охота
На серых хищников — матерых и щенков.
Кричат загонщики, и лают псы до рвоты,
Кровь на снегу и пятна красные флажков.*

Эта песня хотя и написана в тот год, когда «Танки идут по Праге» (стихотворение Евгения Евтушенко), но будто про 1973-1974 гг. Аллегии напрашиваются разные. Например, такие. «Матерые» — это те, кто сидел в ГУЛАГе, а «щенки» — те, кто помоложе, у кого сидели родители. Таких среди советских писателей было много. Каждый понимал «Охоту на волков» на свой лад. Первый секретарь правления Московской писательской организации Союза писателей СССР Феликс Кузнецов, выступая в 1979 году на собрании по делу неподцензурного альманаха «Метрополь», поставил вопрос ребром: «Чувствуете, о каких флажках идет речь?»¹⁸. Чувствуем, как же не чувствовать. Уж, конечно, не о тех флажках, с которыми народ на демонстрацию идет.

Юрий Валентинович Трифонов в Дубултах любил бывать. А вот где он жил? «Юрий Трифонов на моей памяти никогда не жил на 9-м этаже, но на 8-м он все-таки жил. Он не занимал официального положения, но был настолько популярен, что ему знаменитый тогда директор этого Дома творчества по фамилии Бауман [...] такой маленький лысый человек, царь и бог в этом месте, давал все-таки Трифонову комнату на 8-м... Там как раз в этих Дубултах я много раз видел Трифонова, он был совершенно замечательный человек, я очень его любил. Его свойство, его отличие от большинства других писателей, которых я видел в детстве, заключалось в том, что для него существовали другие люди, он видел других людей, и он с ними вступал в какой-то разговор», — так вспоминает писатель Алексей Макушинский (сын Анатолия Рыбакова) в своем интервью одной из тех радиостанций, где когда-то читали «Архипелаг Гулаг»...

¹⁸ М. Заламбани. Дело «Метрополя»: Стенограмма расширенного заседания секретариата МО СП СССР от 22 января 1979 г. — «Новое литературное обозрение», 2006 № 6.

Вдова Юрия Валентиновича Ольга Романовна Трифонова любезно согласилась написать для этой книги свои воспоминания о Доме творчества: «“Дубулты” были бриллиантом в исчезнувшей неизвестно куда и неизвестно для кого коллекции Домов творчества Литфонда СССР. Об отдыхе на берегу Рижского залива мечтали, наверное, все члены Союза писателей. Но было строгое членение на тех, кому положено было отдыхать летом и тех, кто мог рассчитывать только на зимний отдых. Выбор зависел от многих обстоятельств: ну, конечно, табель о рангах и даже степень дружеской близости с влиятельными дамами Литфонда. Талант и популярность не всегда засчитывались в качестве повышающих коэффициентов. Так я за многие годы летом лишь однажды видела в Доме творчества Василия Макаровича Шукшина. Он отдыхал с женой и двумя совсем маленькими дочками. Иногда я встречала его в лесном кафе неподалеку.

А лето было чудесным, с голубыми туманами над заливом по утрам, с залитой солнцем столовой, с маленькими кафе неподалеку возле станции электричек, с боем часов на башне старой Кирхи там же, на маленькой площади. Вечерами прогуливались вдоль залива, а в одно лето я организовала теннисный турнир. На территории был корт, и каждый вечер там собирались заядлые игроки. На лавочки для зрителей мы решили продавать самодельные билеты и, надо сказать, выручили приличную сумму. На эти деньги устроили в столовой банкет с танцами. Тапером был главный редактор Литгазеты и член Центрального комитета партии, а самым красивым игроком был признан Костя Красин — потомок знаменитого революционера, именем которого названа улица в Москве. Пригласили и зрителей, конечно.

Но и зимой Дубулты были прекрасны! Однажды на залив прилетели лебеди, и мы смотрели на них в большие окна в конце коридоров Главного корпуса. Это было современное здание этажей, кажется, в девять. И были еще коттеджи. Многие предпочитали жить в коттеджах. Как-то летом в одном из них жили мои друзья сценаристы Юлий Дунский и Валерий Фрид, и у них вечерами собирались веселые и талантливые люди. В коттедже всегда жил верный почитатель Рижского взморья Алексей Николаевич Арбузов.

Мой муж, Юрий Трифонов, тоже любил этот Дом и взморье. Когда был моложе и не ощущал сердца, играл в теннис, ездил с Алексеем Арбузовым в Ригу в Домский собор. Любил сидеть в хол-

ле и обсуждать с братьями по цеху новости. Ах, я могу долго рассказывать об этом чудесном месте, но никогда не стану навещать его, потому что оно исчезло: коттеджи вернули наследникам прежних владельцев, а чудесный Главный корпус превратили в шикарный дом с апартаментами.

И слишком много теней, слишком много...»

А Василий Макарович Шукшин работал в Дубултах плодотворно. В частности, за те летние дни, что он провел в Доме творчества в 1972 году, им были написаны рассказы «Страдания молодого Ваганова», «Медик Володя», «Версия» и другие.

Мы не слишком погрешим против истины, если скажем, что все приезжавшие писатели и их жены по прибытии в Дом творчества следовали давно сложившемуся ритуалу: ходить на рынок в близлежащий поселок Майори. Как мы помним, Эльдар Рязанов уже в первый день отправился именно туда. Посещение рынка было частью повседневной жизни приезжавших в Дом творчества писателей. Здесь продавали ягоды, овощи-фрукты, копченую рыбу, сувениры. Вот почему машина Дзидры Тубельской набивалась «под завязку» желающими посетить рынок. Тут были свои тонкости: «По непонятной причине рыбакам запрещалось продавать на рынке полагающуюся им часть улова. Но они потихоньку коптили салаку, утря и бельдюгу у себя дома и продавали из-под полы. Меня они знали и доверяли, благо латышка. Рыбу прятали под овощами, творогом, цветами. Одна торговка переправляла меня к другой, указывала, у кого спрятано...» А вечером купленная из-под полы рыбка уплывала туда, куда ей и положено, под рюмку местной латышской водки «Кристалл-Дзидрайс» с ярко синей этикеткой, по цене 5 рублей 30 копеек со стоимостью посуды...

